

Ирина Белобровцева
Таллин

ВАСИЛИЙ АКСЕНОВ И ЭСТОНИЯ

Одно из самых ярких явлений шестидесятничества — проза молодых писателей, сотрудничавших в основном с журналом «Юность». Ее называли молодежной, городской, исповедальной. Среди наиболее известных авторов — Василий Аксенов, Анатолий Гладилин, Анатолий Кузнецов, Георгий Садовников и др. Этим людям, ощутившим свое время как время свободы, тесны были любые границы. Вот почему они обращали свой взгляд на т.н. советский Запад, на Прибалтику. Именно со второй половины 1950-х годов, со времени хрущевской «оттепели», Прибалтика становится магнитом для советской интеллигенции. В основном это Рига и Юрмала, рижское взморье, Таллин и эстонские курорты и просто деревни, которые осаждают дачники из Москвы, Ленинграда и более отдаленных городов. Позже Томас Венцлова назовет объект их внимания «разумеется, паллиативным, суррогатным, но Западом»¹, а Александр Генис определит приезды сюда российских дачников как «примерку эмиграции»². Но ясно, что 1960-80-е годы — это время романтической любви россиян к советской Прибалтике.

И герои исповедальной прозы 60-х разделяли эту любовь, запросто наезжая в реальности или в мечтах в Ригу или Таллин: «— И мы через неделю поедem в Ригу. [...] И будем ходить по пустынному пляжу и вдыхать запах моря и сосен. — Можно. — А потом мы поедem в Таллин. Ты был в Таллине? — Да, но поедem в Таллин. — И мы будем ходить по узким древним улицам и сидеть в крошечных кафе»³.

Пожалуй, самым пылким поклонником Таллина был Василий Аксенов у которого этот город фигурирует в нескольких произведениях.

Статья написана в рамках гранта SF 0130126s08

¹ Т. Венцлова: «*Литовский дивертисмент*» *Иосифа Бродского*. В кн.: *Третья волна*. Ann Arbor: Ardis 1984, с. 196.

² А. Генис: *Довлатов и окрестности*, *Tere-tere* <<http://www.svoboda.org/programs/cicles/Dovlatov/dovlatov.07.asp>>.

³ А. Гладилин: *Вечная командировка*. Москва: Советский писатель 1962, с. 90.

Уникальный готический ансамбль Таллина воспринимался как нечто «чужое», «другое» даже на фоне самой Прибалтики. Так в фильме, посвященном Василию Аксенову, петербургский писатель Анатолий Найман, объясняя более знакомое через незнакомое вовсе, вспоминает: «Совсем другое дело был Таллин, Таллин — это Париж, Рим, Нью-Йорк, Копенгаген»⁴. Это выясняется, к примеру, в нашумевшем романе Аксенова *Звездный билет* (1961), где юные герои, окончив школу, решаются на побег в другое пространство:

ДИМКА. Мы едем в Таллин. Я. Почему в Таллин? Вы же собирались в Ригу.
ДИМКА. Говорят, в Таллине интереснее. Масса старых башен... А климатические условия одинаковые⁵.

Для Аксенова Таллин начался со сборов резервистов после окончания медицинского института:

В Таллине я провел три месяца. Наша офицерская казарма была в парке Кадриорг. Подобралась очень хорошая компания, много куролесили — как и положено молодым офицерам. У меня как раз проходила первая повесть в журнале «Юность» — *Коллеги*. Я сидел в Таллине и дрожал от страха — а вдруг сорвется? И вдруг получаю письмо, что Валентин Петрович Катаев, главный редактор, сказал: повесть замечательная, давайте ее скорей печатать. [...] И тогда возникла идея отправить молодых героев следующей повести в Таллин. В то время была официальная программа партии и комсомола отправлять молодежь на восток. [...] Мои герои [имеются в виду герои *Звездного билета* — И.Б.] отправились на запад, и это вызвало колоссальное возмущение. Тем более что они были предвестниками движения хиппи, этакая бродячая интеллигенция. А хиппи как раз и нацеливались на Прибалтику — для нас, выросших за «железным занавесом», Прибалтика была эрзац-Европой, и это очень много значило. Таллин — это даже больше, чем Европа, потому что такого цельного, чистого комплекса готики нигде больше в Европе нет⁶.

Клишированная характеристика — Прибалтика как «эрзац-Европа» (у Аксенова встречается еще и «наша фиктивная Европа») — скрывает социокультурную символику Таллина/ Эстонии 1960-х гг.: это эмблематическое изображение свободного пространства, аналог выключенности из советской действительности, отсюда и некоторое остранение. В позднем аксеновском романе «Таинственная страсть»

⁴ Документальный фильм *Жаль, что вас не было с нами*. Василий Аксенов. Реж. Алексей Шишов, Елена Якович <<http://video.mail.ru/mail/rutv.ru/documentary/1539.html>>.

⁵ В. Аксенов: *Звездный билет*. В кн.: Оттепель. 1960–1962. Москва: Московский рабочий 1990, с. 85.

⁶ Я. Маевская: *Звездный билет провинциального стилиста*. «Алеф» № 930 <<http://www.alefmagazine.com/pub394.html>>.

не случайно именно в Эстонию собирается Антоша Андреотис (читай Андрей Вознесенский) после разгрома, который учинил ему Хрущев: «Мне нужно забыть этот кремлевский бред», — говорит он, выходя из своей комнаты к семье с туго набитой сумкой через плечо и с кожаным баулом, доставшимся по наследству еще от деда. «Уезжаю в Эстонию. Оттуда сразу позвоню»⁷.

Звездный билет был у писателя таллинским «первенцем». Город здесь сконструирован, будто был исхожен вдоль и поперек, с некоторым щегольством в использовании эстонских, чужезвучных названий. Но это только в первом приближении. На самом деле облик Таллина составлен в этом романе из традиционных фраз экскурсоводов и традиционной последовательности осмотра достопримечательностей:

Старый Таллин сверху вниз — дым, черепица, камни, ликеры, глинт, оружие и керамика. По улице Виру мимо двух сторожевых башен, мимо ресторанов, кафе и магазинов, через Ратушную площадь на улицу Пикк. Или под воротами «Суур Раннавярав» мимо чудовищной башни «Пакс Маргарета» на ту же улицу Пикк. Словно ущелье, она рассекает старый город, и нет на ней ни одного дома моложе 400 лет. Золоченые калачи над тротуарами, голуби на плитах мостовой⁸.

А для убедительности изображения и мотивировки «экскурсионного» подхода вводится местный колорит — эстонская девушка с именем эпической героини Линда, в которую влюбляется один из героев. Она показывает москвичам свой город, но «свои» там только банальные восторженные возгласы, во всем остальном она придерживается все того же экскурсионного канона:

Вана Таллин! [Старый Таллин — эст.] — восклицала или шептала она. [...] На Вышгороде жили рыцари, а в нижнем городе — купцы. Рыцари были не прочь пожить за счет богатых купцов. Тогда купцы построили свою крепость. Вы видите часть этой стены, которой когда-то был обнесен весь Таллин. Вот это орудийная башня Кикин-де-Кэк [правильно: Кик-ин-де-Кёк, что только подчеркивает «устное восприятие» Таллина Аксеновым — И.Б.]. Над нижним городом доминирует башня Ратуши, на которой имеется флюгер в виде стражника городских ворот. Это символ Таллина — «старый Тоомас»⁹.

Через шесть лет после выхода в свет повести *Звездный билет*, в 1967 г., Аксенов был аккредитован на Таллинском джазовом фестивале, которому посвятил опубликованный в журнале «Юность» очерк

⁷ В. Аксенов: *Таинственная страсть*. Москва: Семь дней 2009, с. 146.

⁸ В. Аксенов: *Звездный билет...*, с. 120.

⁹ Там же, с. 121.

Простак в мире джаза, или Баллада о тридцати бегемотах. Здесь, ломая структуру жанра очерка, он то и дело возвращается к истории своего постижения Таллина, так что город, наряду с джазом, становится главным героем романтической баллады в прозе или, еще вернее, джазовой композиции с вариациями на таллинские темы. Первое же подобное путешествие во времени приурочено здесь к поре создания «Звездного билета» и определяет отношение писателя к этому пространству, которое время от времени появляется в аксеновских произведениях: «Семь лет назад я влюбился в Таллин, был бурный роман в дождях, теперь я ловлю себя на какой-то странной фамильярности по отношению к этому городу»¹⁰.

Однако, несмотря на фамильярность, порой возникающую именно от близкого знакомства, роман с городом продолжается:

Однажды ночью, гуляя по Старому городу, мы спорили, кто самая красивая женщина в Таллине. Претенденток было немало, и спор затянулся. Небо было синим, глубоким, с еле различимой тонкой зеленой структурой. Улица Виру завершалась уходящим в небо торцом Ратуши. Мы подняли головы и прекратили спор. Самая красивая женщина в Таллине — это башня Ратуши»¹¹.

И, в полном соответствии с хрестоматийным пастернаковским *Марбургом* (В тот день всю тебя, от гребенок до ног, / Как трагик в провинции драму Шекспирову, / Носил я с собою и знал назубок) Аксенов узнаёт Таллин по запаху: «Итак, я снова в Таллине, снова вдыхаю его особый сланцево-кондитерский запах»¹². Пройдет почти 30 лет, и в рассказе *АААА* он припомнит тот самый запах Таллина 60-х: «Через несколько дней я оказался в Таллине. Как всегда, пахло сланцевым топливом и пирожными»¹³.

Итак, от 1961-го со *Звездным билетом* к 1967-му, к *Балладе о тридцати бегемотах*, от первой, еще робкой влюбленности — к «странной фамильярности». Но в промежутке был еще один «таллинский» роман — *Пора мой друг, пора* (1963), где Таллин далек от парадного и экскурсионного и где он становится подлинно аксеновским, обжитым, родным. Уходят с придыханием выговариваемые в *Звездном билете* экзотические названия — Пакс Маргарета, Суур Раннавярв; названия

¹⁰ В. Аксенов: *Простак в мире джаза, или Баллада о тридцати бегемотах*. «Юность» 1967, № 8 <http://webreading.ru/prose/_prose_contemporary/vasiliy-aksenov-prostak-v-mire-dghaza-ili-ballada-o-tridcati-begemotah.html>.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ В. Аксенов: *АААА*. В кн.: В. Аксенов: *Негатив положительного героя*. Москва 2006 <<http://tululu.ru/read62091/>>.

улиц Пикк и Лай теперь переводятся — Длинная и Широкая. А улица Лабораториуми (написанная с небольшой ошибкой, чуть приземляющей, латинизирующей название — Лабораториум, что свидетельствует об «освоенности» или «усвоенности» пространства), далекая от экскурсионных троп, становится, со всей своей узостью, закрытостью и средневековой пылью, символом любви и свободы:

По стене к башне шла стертая, выветрившаяся, еле заметная лестница [...]. Я стоял, прижавшись к башне, смотрел на поблескивающий внизу булыжник и накачивал себя, накачивал, как будто можно было что-то вернуть. Никогда не возвращайтесь на старые места, где вам было хорошо. Хорошо?!

Я лез вверх по узкому каменному горлу, то и дело руками и лицом прикасаясь к влажным стенам... — я лез все быстрее и вылез на площадку башни.

В этом углу лежал мой старый плащ. Кто забрал его? Мы были свободны здесь, на этой улице»¹⁴.

В этот обжитой Таллин, на который герои Аксенова обычно смотрят со стороны, ведь они здесь пришлецы, на этот раз вводится герой, которому город еще более близок, — этого смешного и трепетного Виктора Митрохина окружающие даже называют по-эстонски:

Он пошел к выходу [...], худой, высокий, с коротким ежиком волос [...]. Беспомощно вертящаяся на тонкой шее голова, блуждающая улыбка — как-то не похож он был на такого уж ловкача.

— Параноик какой-то? — спросил я Таню.

— Смешной тип, — сказал один из тех троих. — Уже прозвище получил.

[...]

— Ну, так какое же прозвище? — спросил я.

— Кянукук, — сказал один из тех троих. — По-эстонски — „Петух на пне”

[правильно: Кянукукк].

— Так ликер какой-то называется, — вспомнил я.

— Правильно. Он нам уже все уши прожужжал с этим ликером.

Рекламирует этот ликер, как будто мы сами не знаем»¹⁵.

Автобиографический герой-рассказчик Валентин Марвич, несмотря на вечные насмешки всех и вся над этим пареньком из далекого уральского Свердловска, прикатившего в Таллин в поисках все той же романтики, почему-то чувствует за него ответственность. Почему? Множество раз на разный манер повторив: «Ты для меня загадка, Кянукук», «Странный какой-то это был парнек. В его беспрерывной развязной болтовне и в глазах, жадных и просящих, была незащищенность, что-то детское, недоразвитое и какое-то упорство, обреченное

¹⁴ В. Аксенов: *Пора, мой друг, пора*. Москва: Советский писатель 1965, с. 4.

¹⁵ Там же, с. 19.

на провал», «Загадка ты для меня, Витя», «Загадка ты для меня, Кянукук. Страшно мне за тебя»¹⁶, Марвич приходит к выводу: «Таким, как ты, я был в 17 лет»¹⁷, т.е. в таллинском пространстве романа автор разыгрывает один из вариантов собственной судьбы, завершающийся ранней и нелепой смертью в дорожной аварии.

В очерке *Простак в мире джаза* он воскрешает этого Виктора Митрохина с «ликерным» прозвищем, демонстрируя еще один, куда более благополучный поворот его судьбы:

Да-а, в городе многое изменилось. Например, мой давно уже оплаканный герой из романа *Пора, мой друг, пора* Кянукук вовсе не погиб. Очень хорошо одетый, с застывшей улыбкой, он медленно гуляет в кулуарах. На груди у него жетон с надписью «Диспетчер фестиваля». Бегло говорит на трех языках — русском, эстонском и английском. Растут люди!¹⁸

И так же, как меняется у Аксенова Таллин, трансформируясь из «чужого», странного, диковинного в «свой», обжитой, близкий, к автору медленно приходит понимание тех, для кого этот город — родной.

Для начала в аксеновских повестях и романах разыгрывается межнациональная идиллия: люди, созданные истовым шестидесятником, делятся не на эстонцев и русских, а на «своих» и «чужих». В *Звездном билете* рыбаки — «свои», «анималист» Янсонс, хозяин дома в самом престижном месте Таллина, которому герои повести представились как студенты-ихтиологи из Москвы, изучающие рыб Финского залива, с охотой готов сдать «для девушки комнату на мансарде, жена будет только рада, денег не надо, — а ребятам он с удовольствием окажет помощь в благородном деле изучения нравов рыб Финского залива»¹⁹. Этакая фантастическая, утопическая ситуация, В кафе Димка Денисов и приехавший к нему в Таллин старший брат заходят в кафе и ведут себя, «как все эстонцы вокруг», заказывая кофе и ликер. Нанявшийся на работу в рыболовецкий колхоз Димка очень скоро может похвастать: «Я выучил кое-что по-эстонски»²⁰, наконец, в него влюблена эстонка Ульви (так же как в его друга Виктора эстонка Линда).

Но в пору, когда об этнических напряжениях уже можно было писать без оглядки на цензуру, в *Московскую сагу* (1992) Аксенов вводит героя, Бориса IV, которому в глухое советское время в Таллине показывают пришитый к подкладке пиджака эстонский национальный триколор

¹⁶ В. Аксенов: *Пора, мой друг, пора...*, с. соответственно 50, 53, 58, 72.

¹⁷ Там же.

¹⁸ В. Аксенов: *Простак в мире джаза...*

¹⁹ В. Аксенов: *Звездный билет...*, с. 97.

²⁰ Там же, с. 185.

(знак наивысшего доверия — триколор в советской Эстонии преследовался). Борис поссорился с эстонским парнем, «якобы из-за сестры этого парня, за которой ухаживал. Они уже пошли драться, и парень вдруг отвернул пиджак и показал подкладку, к которой был пришит черно-бело-синий флаг независимой Эстонии». Аксенов вспоминал:

Это было со мной. Мы сидели в ресторане «Пирита», и какая-то компания начала нас задирать. И с одним парнем эстонским мы вышли поговорить по душам в угол этой ресторации. Саксофонист играл, какое-то возбуждение было, такой фон. И он мне сказал: «Ты не видаль никогдааа, вот я тебе, масквиинч, сейчас покаажуу». И он мне показал: «Ты это когда-нибудь видел?». Я говорю: «Нет, никогда не видел. Это что?» — «Это наш флаг». Я говорю: «Так я приветствую твой флаг». И он сказал: «Тогда давай пожмем руки друг другу»²¹.

В еще более позднем произведении — *АААА* — Аксенов вспоминал:

Мне тогда шел тридцать четвертый год [т.е. речь идет о 1965 г. — И.Б.], и я был широко известным подозрительным писателем этой страны [СССР — И.Б.]. Порабощенные прибалтийские страны привлекали меня, может быть, потому, что они тоже были под подозрением²².

Это означает, что, в отличие от многих своих ровесников и соотечественников, Аксенов не был ни слеп ни глух и вполне адекватно понимал, куда приезжает и с каким отношением к себе как к советскому человеку может столкнуться. Его восприятие Эстонии было куда как далеко от романтической отстраненности, с какой описывал Прибалтику 60-х, например, известный литературный критик Станислав Рассадин: это пространство «трогало и безраздельно завладевало вниманием, пока что не позволяя разглядеть самое жизнь»²³. Аксенов «самое жизнь» здесь видел и понимал. Даже в таких деталях, на которые приезжие едва ли обращали внимание. Вот он рассказывает о демонстрации кинофильма *Веселые ребята* в доме культуры на эстонском острове Сааремаа:

Давали картину *Веселые ребята*, которой к тому времени было уже больше тридцати лет. Об эстонских субтитрах, конечно, никто не позаботился, подразумевалось, что советский человек любой национальности и так все поймет.

²¹ Интервью В. Аксенова «Российской газете» («Культурный провайдер Чувашии», Чебоксары) 7 февраля 2005, понедельник 16:27 <<http://www.culture21.ru/default.aspx?mode=news&news=90589>>.

²² В. Аксенов: *АААА*. В кн.: В. Аксенов. *Негатив положительного героя*. Москва 2006 <<http://tululu.ru/read62091/>>.

²³ С. Рассадин: *Почва поэзии*. В кн.: *Глазами друзей*. Таллин: Ээсти раамат 1981, с. 373.

Сааремааский народ, однако, явно ничего не понимал, кроме комических трюков и хрюкающей музыки Утесова. Картина нравилась, хотя для этих зрителей в ней определенно происходило не совсем то, что задумал режиссер²⁴.

Аксенов понимал, что под внешней вежливостью скрыто совсем иное, напряженное неприятие «чужих», и в *АААА* вложил в уста своего спутника, ленинградского поэта Анатолия Наймана (Найман, как уже упомянуто выше, — вполне реальное историческое лицо, но Аксенов в русской литературе — представитель игровой линии, так что реальность и вымысел в его произведениях переплетаются до полной неразличимости) обращение к эстонской девушке, с которым мог бы подойти к ней и сам Аксенов.

Найман еще раз снял перед ней свой кепи и произнес что-то не по-нашему, что можно было понять как: «Простите, мы хоть и русские, но не имеем никакого отношения к оккупации вашего острова. Напротив, мы лишь смиренные поклонники вашего велосипеда, miss». В это время открылись двери и все пошли внутрь, что дало возможность библиотекарше не отвечать словесно, но лишь дернуть плечом, как бы говоря: «Нет-нет, Mister Naiman, нет-нет, и еще раз нет!»²⁵.

Все это он понимал, но в творчестве создал свой Таллин, как Хемингуэй — свой Париж, а Томас Манн — свою Венецию. Таллин был для Аксенова синонимом счастья, неслучайно он написал о нем, как о волшебном детском видении:

В том городе есть улица: четыре башни и крепостная стена. А с другой стороны пустые амбары... [...] для меня эта улица как юность. Когда я был мальчишкой, мне все время мерещилось что-то подобное²⁶.

И через 50 лет после первого свидания, в 2006 г., он мог написать: «Через несколько дней я оказался в Таллине. *Как всегда*, пахло сланцевым топливом и пирожными. Хвостатые тучи, *как всегда*, цеплялись за шпили готики»²⁷ [курсив мой — И.Б.]. Словом, как у Хемингуэя, — праздник, который всегда с тобой. Пространство покоя и воли, любви, джаза, о котором чтимый Аксеновым пианист Борис Фрумкин сказал, что, «это целый стиль жизни шестидесятников, окно в свободу»²⁸ пространство вечного шестидесятичества.

²⁴ В. Аксенов: *АААА*...

²⁵ Там же.

²⁶ В. Аксенов: *Пора, мой друг, пора*..., с. 203.

²⁷ Там же.

²⁸ *Джаз Василия Аксенова: два взгляда на событие* <<http://jazzru.wordpress.com/2010/10/15/aksionov-jazz-two-looks/>>. Да и сам Аксенов в романе *Ожог* писал

Монастырь св. Бригитты — памятник архитектуры XVI века.

«Пятьсот лет назад здесь сгорела крыша и все внутри. Оконные рамы и двери были разбиты каменными ядрами. Остались только стены, четырехугольник огромных стен, сложенных из плохо обтесанных валунов».

В. Аксенов: *Звездный билет*

о джазе как стиле жизни и символе свободы: «Да разве только в джазе было дело? Мы хотели жить общей жизнью со всем миром, с тем самым 'свободолюбивым человечеством'» (В. Аксенов: *Ожог* <<http://lib.rus.ec/b/660>>).

Таллин. Улица Олевимяги

«На каждом шагу старый Таллин изумлял его. Вот из-под арки жилого дома таращат жерла две чугунные пушки. Рядом вход в детскую консультацию».

В. Аксенов: *Звездный билет*

«Раз, два, три... восемь ниш в крепостной стене вдоль всей улицы Лабораториум. В каждую из этих ниш можно было влезть, согнувшись в три погибели, а когда-то ведь они предназначались для стражников. ... Время нанесло несколько слоев грязи, земли, булыжников, и вот теперь я, мужчина среднего роста, сидел скорчившись в одной из этих ниш».

В. Аксенов: *Пора, мой друг, пора*

Большие морские ворота и (слева) башня «Толстая Маргарита»
«Или [пройти] под воротами «Суур Раннавъярав» мимо чудовищной башни «Пакс Маргарета» на ту же улицу Пикк».

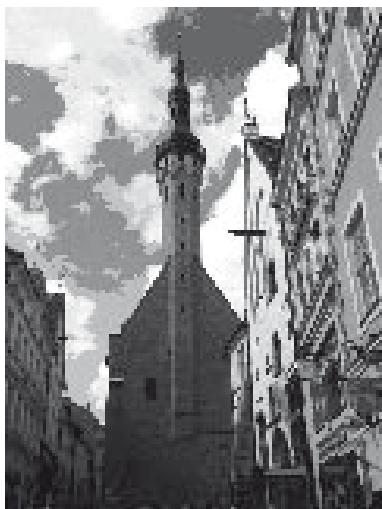
В. Аксенов: *Пора, мой друг, пора*

Таллин. Улица Пикк [Длинная].

«Словно ущелье, она рассекает старый город, и нет на ней ни одного дома моложе 400 лет. Золоченые калачи над тротуарами, голуби на плитах мостовой».

В. Аксенов: *Звездный билет*

«Однажды ночью, гуляя по Старому городу, мы спорили, кто самая красивая женщина в Таллине. Претенденток было немало, и спор затянулся. Небо было синим, глубоким, с еле различимой тонкой зеленой структурой. Улица Виру завершалась уходящим в небо торцом Ратуши. Мы подняли головы и прекратили спор. Самая красивая женщина в Таллине — это башня Ратуши».

В. Аксенов: *Простак в мире джаза, или Баллада о тридцати бегемотах*

«Огромный пляж простирался на несколько километров к северо-западу, и все эти километры были забиты голыми людьми. ... И над всем этим на юго-западе висел голубой и зубчатый, как старая поломанная пила, силуэт Таллина, грозные камни Таллина».

В. Аксенов: *Звездный билет*

Irina Bielobrowcewa

WASILIJ AKSJONOW I ESTONIA

Streszczenie

W artykule porzedstawiono zróznicowany odbiór krajów/republik bałtyckich przez ludzi sowieckich. Dziś jest oczywiste, że Estonia, Łotwa i Litwa różniły się od pozostałych republik ZSRR — były czymś w rodzaju substytutu Europy (Tomas Venclova), złudzeniem emigracji (Aleksander Genis), przestrzenią wolności.

Wasilij Aksionow był najpopularniejszym przedstawicielem swojego pokolenia, współtwórcą prozy młodzieżowej czy spowiedniczej. W jego wczesnych powieściach *Зездный билет* (1961) i *Пора мой друг, пора...* (1964) obok młodych bohaterów pojawia się jeszcze jeden obiekt opisu — jest nim stolica Estonii Tallin, a szczególnie jego średniowieczna dzielnica zwana Starym Tallinem. Tallin Aksionowa kojarzy się z miłością; wolnością, jazzem (który w Związku Radzieckim był niemal całkowicie zapomniany, podczas gdy w Estonii, „najsłabszym ogniwie łańcucha” zorganizowano w roku 1967 festiwal jazzowy). Dla Aksionowa i zaprzyjaźnionych z nim jazzmanów ta muzyka reprezentowała szczególnie styl życia lat 60. Napisał o tym w eseju *Простак в мире джаза*.

Kontakty Aksionowa z Tallinem nie ustały także w kolejnych dziesięcioleciach. Odnajdziemy to miasto w jego wielu jego późnych utworach. W odróżnieniu od większości sowieckich turystów Aksionow rozumiał napięcia pomiędzy Estończykami i przedstawicielami innych sowieckich republik, lubił mieszkańców jego stolicy, którzy w ukryciu szczylicili się w ZSRR swoją trójkolorową flagą i porównywał się z nimi jako pisarz „podejrzany”, istniejący niejako w podobny sposób jak owe bałtyckie republiki.

Irina Belobrovcewa

VASILY AKSENOV AND ESTONIA

Summary

This publication is an attempt to demonstrate the different reception of the Baltic countries/ republics by Soviet people. It is clear now that Estonia, Latvia and Lithuania were something different than other Soviet republics — they were a substitute of Europe (T. Venclova), an illusion of emigration (Aleksander Genis) and the space of freedom.

Vasily Aksenov was the most popular representative of generation of the 60s, of so called youthful or confessionary prose. In his early novels *Ticket to the Stars* (1961) and *It's Time, My Friend, It's Time* (1964) the capital of Estonia, Tallin, with its admirable medieval part, Old Tallin, plays the role of an important literary character. Aksenov's Tallinn is associated with love, freedom, and jazz (which was almost forbidden in the Soviet Union while it was possible to arrange in 1967 jazz-fest in the “weakest link of chain”, Estonia). For Aksenov and his jazzmen friends and jazz-fans this music had been a lifestyle of the 60s. He wrote an essay *Simpleton in the World of Jazz* about jazz and Tallinn.

The connection with Tallinn Aksenov carried through all his life. We can find Tallinn in his late novels and essays. As opposed to majority Soviet tourists Aksenov understood the tension between locals and those who came from the remaining of Soviet Union, he felt sympathy for Estonians who secretly wore their tricolor flag at the Soviet time and he compared his own status in USSR as ‘suspicious’ writer existing to some point as those Baltic Republics.